

кие оперетты. Это очень важно, набираться актерского опыта на крепких отечественных музыкальных спектаклях. И просто жаль, что сегодня эти советские оперетты практически не идут на сцене, а в них многое можно было взять и многому научиться. И в плане актерском, и в музыкальном. У Дунаевского ведь просто шикарные мелодии.

Помимо искусства и преподавательской деятельности, Ольга Яковлевна занималась общественной работой. Дважды избиралась депутатом Магаданского городского совета. Имела государственные награды, в частности, медаль ордена «За заслуги перед Отечеством II степени», была почетным гражданином Магаданской области. Память об этой выдающейся женщине, одаренной актрисе, педагоге навсегда останется в сердцах благодарных зрителей и коллег Ольги Седлецкой. Вместе с ней, как бы выспренье это ни звучало, завершилась поистине вели-

кая эпоха в Магаданском театре. Но как всякий живой организм, наш храм Мельпомены сегодня динамично развивается, в труппе снова много молодых, талантливых солистов-вокалистов, артистов хора, балета и оркестра. Есть перспективная молодежь и в драматической труппе. Репертуар постоянно пополняется новыми, неординарными постановками. А значит, традиции, заложенные основателями театра в 1930-х и 1940-х, творчески продолженные актерами поколения 1960–1970-х, к которому принадлежала народная артистка России Ольга Седлецкая, будут только развиваться. Вектор, необходимый для совершенствования молодых актеров задан, так же, как и высочайшая планка сценического мастерства, оставленная Ольгой Яковлевной в наследство своим театральным детям.

Игорь ДАДАШЕВ

«... А ПОКА РАБОТАТЬ НАДО...»

Впервые дни декабря нынешнего года из Киева пришла горькая весть — не стало **Николая Николаевича Рушковского**, выдающегося актера **Национального академического театра русской драмы имени Леси Украинки**, уникального педагога **Театрального института им. И. Карпенко-Карого**. Национальному академическому театру русской драмы он прослужил верой и правдой более шести десятилетий, приехав в Киев сразу после окончания Школы-студии МХАТ и получив в числе других выпускников напутствие Ольги Леонардовны Книшпер-Чеховой. Этот театр оказался его единственным на протяжении всей долгой творческой жизни.

Николай Рушковский исполнил на этой сцене более 120 ролей и за несколько дней до ухода из жизни вновь играл **Александра Павловича Чехова**, брата пи-

сателя в спектакле «**Насмешливое мое счастье**», поставленном **Михаилом Резниковичем** более полувека назад по пьесе **Леонида Малюгина** и не утратившем своего актуального, поистине классического и яркого лирического наполнения за долгие десятилетия.

Николай Николаевич говорил, что его актерское счастье — играть в этом спектакле, каждый раз неустанно открывая для себя что-то новое в личности **Александра Павловича Чехова**, постигая его душевную глубину и горечь существования в тени великого брата... Видев этот спектакль бесчисленное количество раз, я под присягой готова засвидетельствовать: какую-то тайну вложил режиссер **Михаил Резникович** в воплощение этого сценического чуда. Тайну, заставляющую артистов не только в силу опыта и возраста уходить в непостижимые глубины

Николай Рушковский

всех характеров и оттенков взаимоотношений персонажей, вольно или невольно перенося коллизии на нашу сегодняшнюю жизнь...

В последние годы Николай Николаевич Рушковский играл три роли: Александра Павловича Чехова, **Фирса** в «**Вишневом саде**», поставленном **Аркадием Кацем**, **Дон Жуана** в последний день его жизни в пьесе **Анатолия Крыма** «**Завещание целомудренного бабника**» (режиссер **Виталий Малахов**). И играл с радостью, с подлинным вдохновением, наслаждаясь тем контактом со зрительным залом, который всю жизнь превыше прочего ценил в своем актерском ремесле.

Обмен энергиями был необходим Рушковскому — этому учили его в Школе-студии МХАТ его прославленные учителя: вызывать у зрителя главную реакцию — душевную ранимость. А если этого не происходит, стоит ли вообще выходить на сцену?..

Твердо зная, что театр — дело жестокое, Николай Николаевич Рушковский едва ли не на первых занятиях со своими студентами говорил о том, что если человек может прожить без театра, значит, надо искать свою судьбу в другом месте.

Только невозможность существования без особого запаха кулис, без священного служения подмосткам, без страстного стремления ощутить себя в полной мере не собой, а другим человеком и именно этим человеком воздействовать на зрителя, вызывая его соучастие, сомыслие, сострадание, переключения на собственную жизнь, — оправдывает артиста в его служении театру.

Может быть, именно это ощущение и привело еще молодого артиста к педагогике?

По свидетельству его учеников — а их около двухсот, разбросанных по всему миру, — Николай Николаевич Рушковский был педагогом от Бога: бесконечно любящим своих учеников, но от того еще более строгим, требовательным, порой и жестким, прививающим им не только профессиональные навыки (и даже в первую очередь, не столько их!), но **ПОНИМАНИЕ ТЕАТРА** в самом высоком смысле. Они учились у него интересу к жизни во всей ее полноте, в бесконечной смене впечатлений и переживаний; учились впитывать знания и как свои собственные ощущать чужие эмоции, извивы мысли; учились сопоставлять порой несопоставимое, чтобы вывести собственную формулу характера, события, действия.

Стараясь помочь своим студентам и после окончания института, Николай Николаевич неустанно ходил по высоким кабинетам. Это благодаря его усилиям на театральной карте Киева появились такие театры, как **Новый театр на Печерске**, театр «**Браво**», **мастерская театрального искусства «Сузір'я» (Созвездие)**, а уже в последние годы — **Литературный театр при Доме книги** на основе выпускного спектакля «**SOS! Спасите наши души!**» по пьесе **Константина Симонова** «**Четвертый**». Признаться, не знаю: был ли открыт этот театр, воплотилась ли в жизнь мечта-идея педагога, артиста, мастера...

И Рушковский не просто способствовал появлению этих коллективов — он играл в спектаклях новых театров со свои-

«Ромео и Джульетта». Ромео — Н. Рушковский. 1954

ми бывшими студентами. Думаю, что, по крайней мере, на первых порах театралов, влюбленных в Николая Николаевича, влекло именно это: возможность лишний раз увидеть мастера среди его преданных учеников...

О его отношении к своим «детям» (а в разговорах со мной он именно так их и называл) стоит вспомнить еще и о том, что на протяжении нескольких лет Николай Николаевич звонил в Центр поддержки русского театра за рубежом и просил помощи — он привезет группу студентов в Москву и просит устроить их на спектакли, рассказать им о театральных тенденциях в московских и, если можно, шире — российских — театрах на протяжении последних двух-трех лет. Приезжал с ними и сам, иногда это были и другие педагоги его курса. Подолгу мы общались, и всегда это было настоящей радостью. Николай Николаевич был на

редкость интересным, ярким собеседником, отличавшимся юмором, иронией, какой-то особой живописностью рассказов о театральном Киеве.

В педагогическом даре, который так выделял и отличал Николая Рушковского, очень важную роль, как мне кажется, сыграла мысль, вычитанная им у Соломона Михоэlsa: «Научить быть артистом невозможно, помочь стать артистом можно». На это и тратил известный мастер свои силы, нервы, темперамент, заразительность, доставшуюся ему от природы и помноженную на богатые жизненные впечатления. А ими судьба наградила Николая Николаевича чересчур щедро: совсем юным он прошел Великую Отечественную войну и дошел до Берлина, после окончания театрального приехал в незнакомый Киев вслед за ставшей на всю жизнь его женой Изабеллой Павловой, играл с известнейшими артистами прославленной труппы; да и жизнь в театре отнюдь не была безоблачной — всякое случалось, и счастье, и разочарования, и конфликты, и примирения.

И не раз повторял: «Как это можно — отдохнуть от жизни?!» И главным источником вдохновения был для Николая Николаевича переполненный зрительный зал.

А на спектаклях, в которых играл кумир публики Николай Рушковский, мне не доводилось видеть не переполненного зала...

Невозможно забыть, каким был его Дон Жуан в спектакле «Завещание целомудренного бабника»! Мудрый, светлый, хорошо знающий, что значит — любить, любить безоголдно, одарив женщину счастьем, которое куда ближе, куда возвышеннее физической близости. И каким удивительным светом лучились его глаза в финале спектакля, когда поднимался к небу портрет донны Анны, а дочь ее была спасена им от повторения материнской судьбы. Казалось, они освещают весь зрительный зал, эти яркие, несмотря на возраст, сияющие глаза Артиста, на собственном опыте изведавшего, что есть счастье человеческое...

«Завещание целомудренного бабника»

Николай Николаевич Русковский был истинным представителем той старой интеллигенции, от которой уже почти не осталось следа, человеком, впитавшим понятие нравственных, духовных ценностей, чувства долга, ответственности, чести и достоинства. Впитавшим — на всю жизнь и передающим эти ни в какие времена не отменяемые понятия своим молодым коллегам, своим ученикам и тем, с кем сводила его судьба.

Красивый, обладавший голосом прекрасного тембра и выразительности, темпераментом, обостренностью чувств, которая необходима отнюдь не только артисту, но едва ли не в первую очередь — человеку, энергичный, щедрый, душевный, доброжелательный ко всем людям, Николай Николаевич умел поистине удивительно общаться. На **Международном фестивале русскоязычных театров дальнего и ближнего зарубежья «Соотечественники» в Саранске** уже к вечеру того дня, когда он приехал, Русковский общался с коллегами из разных стран, с организаторами фестиваля так просто, естественно, живо, словно знал их десятки лет. А уже наутро следующего дня в него были влюблены буквально все без исключения! Он словно помолодел, когда узнал, что орга-

низаторы готовы отвезти его в памятные места, где он давно мечтал побывать. И вернулся из этой утомительной даже для человека более молодого поездки невероятно оживленным, радостным. Рассказывал... рассказывал... рассказывал...

В одном из интервью Николай Николаевич сказал: «Кто из нас великий, после нашей смерти разберутся, а пока работать надо...» Узнав о его кончине, я поймала себя на неожиданной (может быть, отчасти и кощунственной) мысли: теперь у нас есть все основания причислить Николая Русковского к великим, но... Есть одно очень существенное «но»: еще долгие годы и десятилетия Николай Николаевич будет продолжать работу — в своих учениках; в тех, кому даровано было счастье общения с ним как с артистом и как с личностью; в тех, кого будет учить, строго следуя заветам Мастера, его ученики; в тех, для кого он однажды и навсегда воспитал отношение к театру, где перед человеком раскрывается неожиданно его собственная душевная ранимость — одно из ценнейших качеств.

А значит — он не покинул нас.

Его работа продолжается...

Наталья СТАРОСЕЛЬСКАЯ